

А.М. ФОМИН

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война началась как “ожидаемая неожиданность” – к ней готовились несколько десятилетий, но все были шокированы быстротой и какой-то фатальностью событий середины лета 1914 г. Еще более неожиданным стал затяжной характер войны. Год за годом огромные жертвы приводили лишь к мизерным подвижкам линии фронта. Со временем серьезное значение приобрел фактор “усталости от войны”. Главной угрозой стало восприниматься не только и не столько военное поражение, сколько истощение собственных людских, экономических и финансовых ресурсов при неопределенности военно-политических результатов. Это была “война на выносливость”, что прекрасно поняли политики. Внутренняя устойчивость каждого государства, уровень поддержки официальной политики населением каждой страны имели принципиальное значение. Понимая это, правительства стремились добиться такой поддержки “всеми правдами и неправдами”.

Правительства великих держав вступали в эту войну с целью одним ударом разрубить гордиев узел международных противоречий, решить в свою пользу все накопившиеся вопросы. Накануне войны осевым конфликтом системы международных отношений был англо-германский антагонизм¹. Эта ситуация сохранилась и во время войны. Не случайно за всю войну не было ни одной серьезной попытки заключения сепаратного англо-германского мира, хотя почти все другие варианты были испробованы в неофициальных и закулисных интригах². Именно Британская империя более других ограничивала для Германии “место под солнцем”, именно Германскую империю рассматривали в Лондоне как главную угрозу для Pax Britannica. Одна из двух империй должна была быть сокрушена.

Но подобные мотивы вряд ли можно было использовать для мобилизации на бой и на труд огромных масс людей. Когда расчеты на быстрый успех не оправдались, цена будущей победы с каждым днем все возрастала, а сама она – все отдалялась, перед правительствами воюющих держав все острее вставал вопрос – а ради чего все это? Вопрос о причинах войны был отнесен на второй план вопросом о ее целях. Сформулировать их нужно было как для политических, так и для пропагандистских задач. Разные правительства отреагировали на эту ситуацию неодинаково. Главная французская цель в войне ни для кого не была секретом – проблема Эльзас – Лотарингии оттеснила на второй план все прочие вопросы как в умах политиков, так и в общественном мнении³.

Фомин Александр Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ См.: *Романова Е.В.* Путь к войне. Развитие англо-германского конфликта. 1898–1914 гг. М., 2008, с. 5.

² См.: *Евдокимова Н.П.* Между Востоком и Западом. Проблема сепаратного мира и маневры австро-германского блока в 1914–1917 гг. Л., 1985.

³ *Renouvin P.* Les buts de guerre du gouvernement français. 1914–1918. – *Revue historique*, 1966, ССХХХV (235).

Руководители Германии в общих чертах прекрасно представляли себе, чего они хотят от войны, но на публике умудрились сохранить абсолютное молчание до самого конца конфликта⁴. В России за время войны сменилось три совершенно разных политических режима, каждый из которых заслуживает отдельного рассмотрения. Со всей сложностью проблема совмещения своих вполне материальных интересов по всему миру с декларированными в самом начале войны “идеалистическими” принципами встала перед британским руководством. Отмалчиваться, подобно Германии, оно не могло – не позволяли политические традиции. В этой ситуации политика теснейшим образом переплелась с идеологией. Цели войны, объявленные в публичных декларациях и сформулированные в строго секретных документах нельзя трактовать как, соответственно, “ложные” и “истинные”. Соотношение между ними было гораздо более сложным.

В британской и американской историографии тема военных целей Лондона в Первой мировой войне не раз становилась предметом изучения. Большинство работ посвящено какому-либо одному региональному направлению британской политики, но есть и обобщающие исследования, наиболее крупным из которых остается монография В.Х. Ротвелла⁵. Главным направлением исследований было изучение взаимосвязи изменений в британских взглядах на цели войны с развитием ситуации на фронтах и закулисными дипломатическими маневрами. При этом всегда сохранял актуальность вопрос, насколько адекватно имеющиеся документы – как публичные, так и секретные, отражают истинное мнение британского руководства о возможных результатах войны. Так, канадский историк Б. Миллман упрекает В.Х. Ротвелла и его предшественников в том, что они принимали за чистую монету многие откровения британских политиков, которые на самом деле были не более чем “благими пожеланиями”, ради которых они не стали бы продолжать войну. Миллман указывает, что на протяжении 1917–1918 гг. страны Антанты жили “под страхом поражения” и сама победа осенью 1918 г. оказалась для них неожиданностью. В связи с этим Миллман делит военные цели на четыре категории: постоянные, условные, возможные и вспомогательные. Только ради достижения “постоянных” целей англичане готовы были вести войну до конца. Невозможность их достижения означала бы поражение в войне. В эту категорию попадали только освобождение Бельгии и северных районов Франции. Достижение всех прочих целей было в той или иной степени желательно, но не обязательно⁶. На наш взгляд, такое разделение выглядит несколько искусственным, поскольку при определении “значимости” той или иной цели следует учитывать не только военно-стратегический, но и политико-дипломатический контекст. Попытка такого исследования предпринимается в настоящей работе. Необходимость обращения к данной теме диктуется также отсутствием обобщающих работ по выяснению военных целей Великобритании в отечественной историографии. Хронологически работа охватывает период от выхода России из войны в связи с приходом к власти большевиков до начала широкомасштабного и победоносного контрнаступления Антанты в августе 1918 г.

Первым достаточно полным заявлением Антанты о целях войны был обнародованный 10 января 1917 г. официальный ответ на запрос президента США В. Вильсона по этому поводу. Рассчитанный исключительно на американское общественное мнение, он представлял собой краткий военный манифест, который предполагал войну до победного конца, так как ни одно из его положений не могло быть принято противником добровольно. В частности, предполагалось “освобождение” итальянцев, румын, чехов и словаков от “иностранный господства”, а также освобождение от “кровавой тирании турок” подчиненных им народов вместе с изгнанием Турции “вон из Европы”, т.е. из

⁴ См. подробнее: *Fischer F.* Germany's Aims in the First World War. New York, 1967.

⁵ *Rothwell V.H.* British War Aims and Peace Diplomacy. 1914–1918. Oxford, 1971.

⁶ *Millman B.* A Counsel of Despair: British Strategy and War Aims, 1917–1918. – *Journal of Contemporary History*, v. 36, № 2, April, 2001.

Константинополя⁷. Иными словами, прямо предполагалось разрушение Османской и Австро-Венгерской империй. Однако через год проблема военных целей вновь стала актуальной, на сей раз в связи с гораздо более сложным комплексом причин.

Важнейшей британской публичной декларацией о целях войны была речь премьер-министра Д. Ллойд Джорджа, произнесенная 5 января 1918 г. перед представителями тред-юнионов в Кэкстон-холле. Это была и последняя подобная декларация до самого конца войны. И хотя она оказалась несколько “в тени” провозглашенных через девять дней 14 пунктов президента США В. Вильсона, она имеет принципиальное значение для прояснения британской позиции, поскольку “14 пунктов” были признаны Великобританией, Францией и Италией лишь в октябре 1918 г., и то не безоговорочно. Именно эта речь положена в основу нашего исследования, которое построено не по хронологическому, а по проблемному принципу. Сам Д. Ллойд Джордж впоследствии указывал, что его речь имела не только синонимичное значение, так как ее положения были затем отражены в Версальском договоре⁸, подписанном спустя полтора года в совершенно другой обстановке. Одно это заставляет внимательнее присмотреться к данному документу и проанализировать его в контексте британской политики в последний год войны.

Своим появлением эта декларация обязана, конечно же, политической обстановке того времени. Вступление в войну США, революция в России и особенно приход к власти большевиков, объявивших о выходе страны из войны, радикально изменили соотношение сил. Совмещение этих двух факторов в краткосрочной перспективе создавало для Германии несомненное преимущество, но в долгосрочном плане делало ее положение фактически безнадежным. Антанта получила доступ к практически неограниченным экономическим ресурсам США, но их военной помощи пришлось ждать долго. В то же время Германия могла быстро перебросить на Запад значительные военные контингенты и несколько поправить свое экономическое положение за счет ресурсов России. В этой ситуации Великобритании нужно было “выдержать удар”, который Германия, несомненно, готовилась обрушить на Западный фронт. Если бы Англии это удалось, поражение Германии становилось лишь вопросом времени.

Идеологический вызов, брошенный Октябрьской революцией в России, также требовал определенного ответа. Лозунг “мира без аннексий и контрибуций”, провозглашенный еще Временным правительством, набирал все большую популярность. Большое впечатление на британское общество произвела публикация в Советской России тайных договоров стран Антанты. Пропаганда Центральных держав не замедлила воспользоваться этой публикацией для “разоблачения” коварного Альбиона, и теперь нужно было что-то противопоставить весьма упрямым фактам. Отказ британского кабинета от участия в брест-литовских переговорах также требовал убедительного обоснования. В частности, нельзя было оставить без внимания декларацию министра иностранных дел Австро-Венгрии графа О. Чернина, сделанную от имени Центральных держав на брест-литовских переговорах 25 декабря 1917 г. Сама эта декларация была ответом на предложенные большевиками принципы мира (отказ от аннексий и контрибуций, признание неограниченного права наций на самоопределение) и их предложения, сделанные на первом пленарном заседании конференции в Брест-Литовске 22 декабря⁹. Чернин формально признавал эти принципы, но трактовал их так, что они всецело оборачивались против стран Антанты. Так, формально отказываясь от аннексий, он откладывал вывод войск с оккупированных территорий на неопределенное будущее¹⁰.

⁷ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. 2. М., 1926, с. 62.

⁸ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары, т. V. М., 1935, с. 40.

⁹ Международная политика новейшего времени..., ч. 2, с. 102.

¹⁰ Statement of Count Czernin at Brest-Litovsk of the Terms on which the Central Powers were Willing to Conclude a General Peace. December 25, 1917. – Official Statements of War Aims and Peace Proposals. December 1916 to November 1918. Washington, 1921, p. 221.

Внутриполитический контекст появления январской речи Ллойд Джорджа также был достаточно сложным. Патриотическое воодушевление первых месяцев войны давно прошло, и общая “усталость от войны” все более давала о себе знать, хотя и не достигла настолько критических масштабов, чтобы угрожать военному положению страны. Великобритания была, пожалуй, единственной из воюющих стран, где легально могла действовать пацифистская пропаганда, хоть и с известными ограничениями. Главными источниками такой пропаганды были либеральный Союз демократического контроля (СДК) и Независимая лейбористская партия (НЛП)¹¹. Для правительства особенно опасно было усиление антивоенных настроений в рабочей среде, что могло повлечь за собой перебои в поставках необходимых военных материалов. Тем важнее для него было сотрудничество с центральным руководством лейбористской партии, глава которой А. Гендерсон до августа 1917 г. был членом кабинета. Гендерсон не подвергал сомнению необходимость участия Великобритании в войне, но имел собственные взгляды на ее цели и всячески стремился отмежеваться от любых “аннексионистских” планов, особенно в отношении колоний. Он не исключал возможности “мира по соглашению”, в особенности, если его основы будут выработаны представителями социал-демократии враждующих стран. Выход Гендерсона из правительства был вызван отказом ему и другим лейбористским лидерам в паспортах для отъезда в Стокгольм на международную социалистическую конференцию, организованную социалистами Скандинавии и Центральных держав¹². Однако это не означало разрыва лейбористов с правительством, в котором остался их представитель Г. Барнс. К концу 1917 г. лейбористское руководство завершило разработку собственной программы военных целей, которая была принята на конференции партии в декабре 1917 г.¹³

В ноябре 1917 г. сторонники “мира по соглашению” из числа лейбористов и либералов получили неожиданную поддержку от ультраконсервативного политического деятеля лорда Ленсдауна, бывшего главы Форин офис. Позиционный тупик на фронте еще годом ранее привел Ленсдауна к мысли о тщетности надежд на “нокаутующий удар”. Кровавопролитная, но бесполезная кампания 1917 г. убедила его в необходимости высказать свои взгляды публично. В открытом письме редактору “Дейли телеграф”, опубликованном 29 ноября, он призывал британское правительство выступить с публичным заявлением о том, что в его цели не входит уничтожение Германии как великой державы, ее расчленение или подрыв ее экономической мощи, а так же навязывание ей каких-либо форм правления¹⁴. Это, по мнению лорда, создало бы предпосылки для усиления роли “умеренных” кругов в Берлине и Вене и открыло бы возможность для начала переговоров. Реакция на письмо Ленсдауна была весьма острой. В адрес лорда сыпались как восхваления, так и проклятия. Возникло весьма разношерстное “ленсдауновское движение”¹⁵. Немногочисленные депутаты парламента от НЛП уже видели в мятежном лорде будущего премьер-министра. Для официального Лондона Ленсдаун с этого времени стал *persona non grata*, однако обойти молчанием его выступление было нельзя. Уже с августа действовал Национальный комитет по военным целям – чисто пропагандистское учреждение, призванное противодействовать “соглашателям” и пацифистам. Однако он нуждался в базовом документе для своей деятельности.

К этому времени британское руководство стало уделять повышенное внимание пропаганде на враждебные страны. Идея Ленсдауна о “разъяснении” народам враждебных стран “подлинных” целей Антанты в войне получила интересное развитие в ано-

¹¹ *Haste C.* Keep the Home Fires Burning. Propaganda in the First World War. New York, 1977, p. 141.

¹² *The Left and the War. British Labour Party and World War I.* New York – London – Toronto, 1969, p. 286–287.

¹³ *The Labour Party and the Trades Union Congress. Memorandum on War Aims.* London, 1917.

¹⁴ *Daily Telegraph*, 29.XI.1917; *New York Times*, 30.XI.1917.

¹⁵ *Newton D.* The Lansdowne “Peace Letter” of 1917 and the Prospect of Peace by Negotiation with Germany. – *Australian Journal of Politics and History.* March, 2002.

нимном меморандуме министерства информации от 11 декабря 1917 г., направленном членам военного кабинета Э. Карсоном – министром без портфеля, контролировавшим пропагандистскую работу. В документе предлагалось издать от имени всех держав Антанты и их союзников совместный манифест, в котором разъяснились бы цели войны с их стороны. В этом манифесте следовало подчеркнуть, что союзники не воюют с германским народом и хотели бы видеть его освобожденным от прусского милитаризма – истинного виновника войны. Особенно следовало подчеркнуть решимость союзников сражаться до полной победы. Документ должен был быть подписан главами союзных держав от имени “Лиги наций за Свободу”, переведен на “все необходимые языки” и в миллионах копий распространен за линией фронта с аэропланов. Автор меморандума надеялся, что такой манифест должен подорвать веру населения Центральных держав в свои правительства, разоблачив лживый характер их пропаганды. Э. Карсон согласился с автором манифеста, что “настало время для союзного заявления о целях войны, адресованного народам, а не правительствам враждебных стран”. Главная цель союзников – “сделать мир безопасным для будущего”, их главный враг – “пруссачество”, а не Германия. Территориальные изменения “важны лишь настолько, насколько они подчинены главной цели”, следовательно, Антанту нельзя упрекать в империализме¹⁶. В дальнейшем для целей пропаганды на враждебные страны было создано специальное правительственное агентство, известное по своему местонахождению как Крю Хаус. Возглавил его известный газетный магнат лорд Нортклифф¹⁷.

Наконец, чисто тактические соображения делали публичную декларацию о целях войны весьма желательной. Были получены достаточно точные сведения, что президент США В. Вильсон приступил к разработке собственной программы мира¹⁸. Поскольку Вильсон не согласовывал ее текст с союзниками, представлялось желательным опередить его, чтобы не быть поставленным перед необходимостью выражать свое отношение к американской программе. В то же время было ясно, что любая попытка сформулировать “общие” военные цели Великобритании, Франции и Италии была обречена на провал, так как каждый из союзников имел собственные приоритеты. Вместе с тем, чтобы “сепаратное” британское выступление не вызвало раздражения у союзников, ему было решено придать форму публичной речи.

Решение о необходимости такого выступления было принято на заседании Военного кабинета 31 декабря 1917 г. В качестве “рабочего материала” использовался доклад секретаря Военного кабинета М. Хенки с анализом советской декларации от 22 декабря и декларации О. Чернина от 25 декабря¹⁹. Некоторые формулировки по наиболее острым моментам были выработаны сразу. Так, предполагалось “удовлетворение законных требований Франции в отношении Эльзас-Лотарингии”, сходное удовлетворение “законных требований итальянцев по объединению с теми, кто принадлежит к их расе и языку”. Также выдвигалось требование восстановления Бельгии, Румынии и Сербии как полностью независимых государств. Нетрудно заметить, что эти формулировки допускали различные толкования. Так, оставалось неясным, что являлось “законным” в отношении Эльзас – Лотарингии – англичане явно не хотели подписываться под требованием их полного и безусловного возвращения Франции. Италии, по сути, предлагалось ограничиться приграничными землями Дунайской монархии, населенными итальянцами. Это было намного меньше того, на что рассчитывал Рим, и что было закреплено в Лондонском договоре 1915 г. Очевидно, в Лондоне полагали, что после

¹⁶ A Psychological Offensive to Be Launched at a Well-Selected Psychological Moment, Memo for the War Cabinet, 11/12/1917. – National Archives, Cabinet Papers, 1918–1923 (далее – NA CAB), 24/135, p. 213–217.

¹⁷ *Calder K.J.* Britain and the Origins of the New Europe. 1914–1918. Cambridge, 1974, p. 176.

¹⁸ *Kerneck S.J.* Distractions of Peace during War. The Lloyd George’s Government Reactions to Woodrow Wilson. December, 1916 – November, 1918. – Transactions of the American Philosophical Society. New Series, v. 65, pt. 2. Philadelphia, 1975, p. 72–73.

¹⁹ NA CAB, 23/13, War Cabinet 308 A. Appendix.

разгрома при Капоретто в ноябре 1917 г. итальянцы большего не заслуживают. Наконец, Сербии и Румынии обещалось лишь восстановление их довоенного положения. О воссоединении с “единокровными” жителями Австро-Венгрии речи даже не шло²⁰. Иными словами, приступив к формулировке своих военных целей, британский кабинет без особого почтения относился к военным целям своих союзников.

Работа над основным текстом началась в первые дни 1918 г. В рамках самого Военного кабинета не было единого мнения о цели будущего выступления. Лейборист Г. Барнс прямо предложил позаимствовать для него отдельные формулировки письма Ленсдауна²¹, очевидно, в глубине души разделяя чувства опального лорда. Ллойд Джордж прямо заявил, что рассматривает документ “не как мирный шаг, а как военный шаг”, имея в виду его пропагандистское воздействие. Лорд Керзон уточнил, что речь будет иметь двойное назначение. Это “подлинная и искренняя попытка достичь разумного мира, но при нынешнем настроении немцев она не может привести ко многому”²².

По поручению кабинета было подготовлено три проекта речи. Первый из них принадлежал Р. Сесилю, министру блокады²³, сыну покойного премьер-министра лорда Солсбери, второй – Я.Х. Смэтсу – южноафриканскому генералу, члену Военного кабинета. Третий проект подготовил Ф. Керр – секретарь Ллойда Джорджа, который основывался на проекте Смэтса. Представленные документы обсуждались на заседаниях Военного кабинета в начале января, в результате чего был выработан окончательный текст, составленный из отдельных частей представленных проектов с собственными дополнениями Ллойда Джорджа²⁴. Полноценный анализ британского подхода к формулировке военных целей возможен только при сопоставлении этих текстов в контексте политической ситуации.

Основные посылки авторов были схожи, разница заключалась лишь в акцентах. Так, например, Смэтс включил в свой текст упоминание о желательности демократических перемен в Германии, хотя и подчеркнул, что этот вопрос должен решать только германский народ. Ллойд Джордж включил пассаж Смэтса в окончательный текст. С другой стороны, Сесиль высказался против создания на западных границах бывшей Российской империи зависимых от Германии государств (Литвы и Курляндии), но в окончательном тексте это условие было опущено²⁵. Здесь следует сказать, что тема “германского милитаризма” занимала центральное место во всей британской пропаганде во время войны. Изображая “гуннов” как безжалостных чудовищ, презирающих международное право и уничтожающих мирное население, пропаганда особенный акцент делала на правящей в Германии “военной касте” во главе с кайзером. В связи с этим постоянно стоял вопрос: возможен ли вообще прочный мир с Германией даже в случае победы, если она сохранит свой прежний политический строй? При всем отвращении к этому строю, англичане не могли себе позволить продолжать войну только ради “демократизации” Германии, даже если бы одержали победу на Западном фронте (до чего в реальности было еще далеко). Это обстоятельство заставляло британское руководство серьезно беспокоиться всякий раз, когда президент США в очередной речи заявлял, что “не может быть мира с Гогенцоллернами”. С другой стороны, британское руководство не считало, что перемены в германской конституции могут как-либо повлиять на условия мира.

Во всех вариантах текста говорилось, конечно же, о наиболее очевидных и распространяемых целях войны – освобождении Бельгии, Сербии, Черногории, а также оккупированных частей Франции, Италии и Румынии. После окончания войны стало

²⁰ Ibid., A. Minutes of the Meeting 31/12/1917, p. 160.

²¹ Ibid., p. 159.

²² NA CAB, 23/5, War Cabinet 313, Minutes of the Meeting 3/01/1918, p. 12–13.

²³ Министерство блокады занималось координацией мероприятий по морской блокаде Германии и ее союзников.

²⁴ Полный текст воспроизводится в воспоминаниях самого премьер-министра: *Ллойд Джордж Д.* Указ. соч., т. V, с. 55–62.

²⁵ *Rothwell V.H.* Op. cit., p. 151.

общим местом “развенчание” официального тезиса о том, что Великобритания вступила в войну из-за Бельгии. Однако нельзя отрицать, что наряду с другими целями освобождение этой страны было в числе главных задач Лондона. Британская пропаганда настолько прочно связала войну с бельгийским вопросом, что любой мир, который бы не предусматривал ее полного восстановления, был бы для англичан неприемлем по соображениям престижа. С другой стороны, бельгийский фактор был чрезвычайно удобен для оправдания длительной войны. Пока “маленькая Бельгия” оставалась под пятой захватчиков, у войны было “моральное” оправдание. На руку британской пропаганде было и то обстоятельство, что немцы хранили упорное молчание относительно будущего этой страны. Это было вызвано тем, что Германии было гораздо труднее представить свои планы как “справедливые”. Как впоследствии выяснили историки, от идеи полной аннексии Берлин со временем отказался. Вместе с тем, ее полное восстановление также не считалось возможным. Оптимальным представлялся средний вариант – аннексия отдельных частей Бельгии (например, района Льежа или Фламандского побережья) и установление над остальной ее частью экономического и, возможно, политического контроля. В крайнем случае, в виде “уступки” странам Антанты, можно было бы, следуя популярному лозунгу, вовсе отказаться от аннексий, но сохранить общий контроль²⁶. Германия даже несколько раз делала неофициальные попытки договориться с бельгийским правительством о сепаратном мире на этих условиях, но всякий раз получала отказ²⁷. В самой Бельгии оккупационная администрация заигрывала с фламандским национализмом, исподволь готовя соответствующую часть страны к тесному союзу с Германией²⁸. Аналогичным было отношение Австро-Венгрии к будущему Сербии: “исправление” границ, смена династии, экономическая зависимость²⁹.

Полное восстановление политической и экономической независимости Бельгии, ее территориальной целостности, а также компенсация нанесенного ей ущерба во всех вариантах британской программы выдвигается как самое первое требование. Аналогичные соображения были высказаны относительно Сербии, Черногории и Румынии. Надо сказать, что еще М. Хенки в своем декабрьском меморандуме, несмотря на отсутствие точной официальной информации, опираясь на брест-литовское заявление Чернина, достаточно верно разгадал намерения Центральных держав относительно оккупированных ими стран. Эти мысли впоследствии нашли свое отражение в британской программе. Чернин заявлял, что в намерения Центральных держав не входят “насильственные аннексии территорий, захваченных во время войны, а также “лишение политической независимости тех наций, которые потеряли ее во время войны”. Р. Сесиль, а вслед за ним и Ллойд Джордж однозначно истолковали эту формулировку: “Очевидно, что любой план захватов и аннексий может скрываться за обещанием, высказанном в такой форме”. На это указывали, в частности, слова “насильственные аннексии” и “политическая независимость”. Аннексия могла быть представлена как добровольная, а политическая независимость могла сопровождаться экономическим подчинением. Германию обвинили в том, что она пытается “установить два вида независимости, один для великих наций, другой, низший вид, для малых наций”³⁰. Как в дальнейшем показали исследования историков³¹, эти слова были недалеко от истины.

Весьма показательно британское отношение к проблеме Эльзас-Лотарингии. Р. Сесиль в своем проекте вообще умалчивает о ней, настаивая лишь на освобождении окку-

²⁶ Fischer F. Op. cit., p. 409, 421–428.

²⁷ Ibid., p. 450.

²⁸ Ibid., p. 444–450.

²⁹ Исламов Т.М. Австро-Венгрия в первой мировой войне. Крах империи. – Новая и новейшая история, 2001, № 5, с. 31. Помимо этого австрийская “программа-максимум” образца января 1917 г. включала также аннексию Черногории и “русской” Польши. Смена династии в Сербии фигурировала также и в “программе-минимум”.

³⁰ Ллойд Джордж Д. Указ. соч., т. V, с. 57.

³¹ См., например: Fischer F. Op. cit.

пированных департаментов Франции. Смэтс, в соответствии с формулировкой, принятой 30 декабря, требовал “удовлетворения на национальных принципах законных требований Франции в Эльзас – Лотарингии”. Ллойд Джордж в своем выступлении несколько расширил этот тезис: “Мы намерены до конца поддерживать требование французской демократии о пересмотре великой несправедливости 1871 г., когда без всякого внимания к желаниям населения две французские провинции были отторгнуты от Франции и присоединены к Германской империи”³². Хотя эта формулировка для французского уха звучала вполне ободряюще, она, строго говоря, не предусматривала обязательного, полного и безусловного возвращения двух провинций Франции. Ссылка на “французскую демократию” неслучайна. Ллойд Джордж был осведомлен, что во Франции не было единого мнения о пути возвращения провинций. Если правительство твердо стояло за их безусловное возвращение, то значительная часть французских социалистов, которых можно ассоциировать с “демократией”, допускала проведение там плебисцита³³. Очевидно, англичанам было удобнее поддержать именно этот вариант решения вопроса, хотя они и не заявляли этого открыто.

Британская позиция в этом смысле вполне укладывалась в популярный в тот момент принцип национального самоопределения. На нем, на наш взгляд, следует остановиться подробнее. Первая мировая война стала поистине “звездным часом” этого принципа. Когда она начиналась, ни одна из великих держав о нем серьезно не говорила – в Англии, например, речь шла лишь о защите “малых стран” вроде Бельгии и Сербии. Однако к концу войны принцип самоопределения представлялся, наряду с Лигой Наций, уже краеугольным камнем будущей международной системы. На рубеже 1917–1918 гг. правительства только “учились” его использованию в политических целях, что и нашло свое отражение в изучаемых нами документах.

В политических декларациях большевиков этот принцип выступал в своей наиболее радикальной форме – самоопределение вплоть до отделения и образования собственного государства. Спорные вопросы предлагалось решать путем референдума. Теоретически это относилось ко всем землям и странам, независимо от их политической принадлежности, географического расположения и уровня социально-экономического развития. Однако большевики никак не конкретизировали этот принцип применительно к насущным вопросам международной политики. На практике они признавали только один вид самоопределения – в форме создания Советских социалистических республик. С существованием “буржуазных” правительств на “самоопределившихся” территориях они в лучшем случае временно мирились под давлением обстоятельств³⁴. В дальнейшем ими не было проведено ни одного референдума по территориальным вопросам. Но зимой 1917/18 г. реальная политика большевиков делала только первые шаги, а пропагандистское воздействие провозглашенных ими лозунгов было очень велико. В конце 1917 г. и позже – на брест-литовских переговорах Центральные державы были вынуждены отказаться от прямой аннексии западных территорий России и пошли по другому пути – создания там зависимых правительств, которые “самоопределялись” в пользу тесного сотрудничества с Берлином и Веной³⁵. Наиболее ценным “союзником” для них оказалась украинская Центральная Рада. В уже упоминавшейся декларации Чернина принцип самоопределения трактовался крайне узко. Признавалось лишь право на “политическую независимость” тех стран, которые потеряли ее в ходе войны. Самоопре-

³² Ллойд Джордж Д. Указ. соч., т. V, с. 59.

³³ *Renouvin P.* Op. cit., p. 24–25. Эта “гибкость” французских социалистов имела свое объяснение. В 1917 г. они таким путем старались убедить своих единомышленников в России, что возвращение двух провинций не является “аннексией”.

³⁴ *Шестаков В.А.* Новейшая история России с начала XX в. до сегодняшнего дня. М., 2008, с. 30–31. *Page S.W.* Lenin and Self-Determination. – *The Slavonic and East European Review*, v. 28, № 71, April 1950, p. 353–355; *Joukoff Eudin X.* Soviet National Minority Policies. 1918–1921. – *The Slavonic and East European Review*, American Series, v. 2, № 2, November, 1943, p. 32–52.

³⁵ *Fischer F.* Op. cit., p. 460–472, 487–501.

деление подчиненных национальностей внутри существующих государств могло быть гарантировано только самими этими государствами в соответствии со своей конституцией. То же относилось и к защите национальных меньшинств. К колониям этот принцип объявлялся совершенно неприменимым, причем Германия требовала безусловного возвращения всех своих колоний, захваченных Антантой в ходе войны.

Для британского руководства поиск собственной “формулы” самоопределения представлял непростую задачу. Оно давно заигрывало с чешскими, югославянскими и польскими эмигрантами из Австро-Венгрии, пользовалось их услугами для получения разведывательной информации, пропаганды и вербовки добровольцев из числа натурализованных иммигрантов в США, однако воздерживалось от любых заявлений о поддержке их национальных устремлений. В январской декларации союзников 1917 г., правда, как говорилось выше, упоминалось об “освобождении” народов, подвластных Австро-Венгрии и Турции, но даже эти формулировки, строго говоря, не предполагали непременно предоставления политической независимости названным народам. В последующие месяцы был сделан заметный “шаг назад”, поскольку возникла иллюзия возможности сепаратного мира с Австро-Венгрией, которая достигла своей кульминации во время тайных переговоров в Швейцарии в декабре 1917 и январе 1918 г. (переговоры Смэтса – Менсдорфа)³⁶. Иными словами, когда готовилась британская декларация, надежда на сепаратный мир с Веной была сильна как никогда ранее. В этих условиях, разумеется, не могло быть и речи об открытой поддержке национальных движений Дунайской монархии, но и полностью отмежеваться от них англичане тоже не могли. Во всех проектах британской программы судьба Австро-Венгрии была обойдена молчанием. Очевидно, авторы боялись касаться такой деликатной темы. В окончательном тексте Ллойд Джордж все же добавил довольно обтекаемую формулировку: “Раздел Австро-Венгрии не является нашей военной целью. Мы думаем все же, что если тем нациям, которые так долго этого добивались, будет гарантировано подлинное самоуправление на истинно демократических принципах, без чего нельзя надеяться на удаление из этой части Европы поводов к волнениям, так долго угрожавшим европейскому миру”. Очевидно, Ллойд Джордж здесь признавал национальный вопрос внутренним делом Австро-Венгрии и лишь высказывал ей некоторые благие пожелания. На лидеров славянской эмиграции эти слова произвели очень тяжелое впечатление³⁷. Территориальные притязания можно усмотреть лишь в требовании воссоединения итальянцев с “теми, кто имеет с ними одно происхождение и один язык” (повторялась формула, принятая 30 декабря). В отношении румын формулировка была иной – им должна была быть “оказана справедливая поддержка в их законных стремлениях”, что вовсе не предполагало воссоединения с румынским королевством. Как известно, именно территориальные претензии Италии стали главным камнем преткновения в тайных англо-австрийских переговорах в Швейцарии.

Из всех политических вопросов Восточной Европы самым сложным был, безусловно, польский. Долгое время он связывал трех европейских императоров своеобразной “круговой порукой”. Россия, Германия и Австро-Венгрия имели в своем составе значительные польские территории и не были заинтересованы в том, чтобы одна из них стала рассадником польского национализма – проиграть от этого могли все. Однако когда через польские земли прошел фронт мировой войны, для обеих коалиций использование “польской карты” стало чрезвычайно привлекательным. В Лондоне и в Париже активно действовали польские эмигрантские организации, добиваясь поддержки западных правительств, но те хранили молчание, считая польский вопрос делом России³⁸. Петроград же ограничился лишь декларацией, что в будущем польские земли объединятся под скипетром Романовых. Между тем в 1915 г. германское наступление передало в руки Центральных держав всю “русскую” Польшу, а в конце 1916 г. германские власти,

³⁶ Ллойд Джордж Д. Указ. соч., т. V, с. 25–38.

³⁷ Calder K.J. Op. cit., p. 126.

³⁸ Ibid., p. 23–26.

вопреки нормам международного права, объявили о создании на оккупированных землях “суверенного” польского государства. Свой конец российская монархия встретила без ясной программы по польскому вопросу. Временное правительство смирилось с независимостью Польши, но при условии военного и политического союза с Россией. Большевики сразу после прихода к власти объявили о признании независимости Польши, надеясь, что вскоре она станет одним из очагов революции. Так или иначе, с конца 1917 г. бывшие союзники России могли позволить себе открыто высказывать свое мнение по этой проблеме.

В программе Ллойд Джорджа об этом сказано кратко: “Мы считаем, что создание независимой Польши, включающей все те истинно польские элементы, которые желают войти в ее состав, является настоятельной необходимостью для устойчивости Восточной Европы”³⁹. Проект Сесилия эту тему обходит молчанием, но в плане Смэтса можно найти лаконичное требование: “Восстановление бывшего польского королевства или государства”. При внешней схожести между формулировками Ллойд Джорджа и Смэтса на самом деле дистанция огромного размера. Генерал, по сути, пошел на поводу у крайних польских националистов и требовал воссоздания Польши в границах 1772 г. Как известно, они включали в себя значительные украинские, белорусские и литовские земли. Премьер-министр занимал противоположную точку зрения: польская власть – только над поляками. Это противоречие отражало напряженную борьбу, которая шла в то время как в недрах британского кабинета, так и в среде польской эмиграции. Дело в том, что в отличие от чехов и даже южных славян, польская эмиграция не смогла выступить единым фронтом. Даже если забыть на время, что многие поляки добровольно сражались на стороне Центральных держав (легионы Пилсудского), можно сказать, что и “антантофильская” часть польского общества была расколота. Так, в эмиграции его правая часть, представленная “национальными демократами” во главе с Р. Дмовским, не желала иметь ничего общего с левыми польскими политиками (А. Залесский и др.). Р. Дмовскому после долгой борьбы удалось добиться, чтобы официальный Лондон сделал ставку именно на него и возглавляемый им Польский национальный совет⁴⁰. Именно Дмовский был наиболее активным пропагандистом “границ 1772 года”. Однако Дмовский имел сильного противника в лице Л. Намьера – натурализовавшегося в Англии выходца из Галиции, крещеного еврея. Намьер долгое время был ведущим экспертом по польским делам в разведывательном бюро министерства информации. В январе 1918 г. это бюро было в полном составе переведено в структуру Форин офиса и стало его разведывательным департаментом. Л. Намьер возглавил в нем польский отдел (важно-венгерским отделом руководил ученый-славист Р. Ситон-Уотсон, а ближневосточным – известный впоследствии историк А. Дж. Тойнби)⁴¹. Намьер был прекрасно осведомлен о сложной политической и этнической ситуации в разных частях Польши и не жалел усилий для дискредитации Дмовского и его сторонников, упирая на то, что они не пользовались популярностью на родине. Территориальные амбиции Дмовского Намьер представлял своим коллегам не иначе, как “империализм”, не имеющий ничего общего с принципом самоопределения⁴². Изменение окончательной редакции британской программы показывает, что уже в начале 1918 г. его аргументы принимались в расчет.

Не менее сложным было “приложение” принципа самоопределения к колониальным делам. Войска Антанты в ходе войны заняли практически все заморские владения Германии. Часть из них (Самоа, Новая Гвинея, Юго-Западная Африка) были оккупированы силами британских доминионов, правительства которых не допускали и мысли о возвращении их Германии. Часть африканских колоний (Камерун и Того) были сразу же после захвата поделены между Великобританией и Францией на оккупационные зоны (впоследствии этот раздел был закреплен при распределении мандатов). Захваченные

³⁹ Ллойд Джордж Д. Указ. соч., т. V, с. 60.

⁴⁰ См. подробнее: *Calder K.J. Op. cit.*, p. 145–174.

⁴¹ *Rothwell V.H. Op. cit.*, p. 206–207.

⁴² *Calder K.J. Op. cit.*, p. 153–155, 184, 188–190.

колонии не могли быть возвращены прежде всего по стратегическим соображениям – из опасения создания там мощных германских военных баз. Эти мысли были предельно четко выражены в специальном меморандуме лорда Керзона⁴³. Но оправдать в глазах общественного мнения удержание этих колоний, избежав упреков в “аннексионизме”, можно было, только сославшись на принцип самоопределения, как бы странно он ни звучал применительно к территориям, населенным первобытными племенами. Великобритания соглашалась рассмотреть этот вопрос на мирной конференции, но не в коем случае не на их возвращение. В речи Ллойд Джорджа с подачи Смэтса опровергался германский тезис о поддержке Германии черным населением, которое сражалось на ее стороне (речь шла о действиях отрядов генерала фон Леттов-Форбека в Восточной Африке). Тем же Смэтсом была предложена и своеобразная формула самоопределения: “Туземцы германских колоний живут в различных племенных и родовых организациях под управлением вождей и туземных органов, которые могут выступить от имени туземных племен и их членов и таким образом выразить пожелания, соответствующие их интересам”. Когда спустя несколько дней военные администраторы захваченных колоний получили из Лондона запрос на выражение вождями подобных “пожеланий” в пользу Британии, они восприняли его с большим удивлением как проявление крайнего невежества чиновников метрополии⁴⁴. Смэтс, однако, был прекрасно знаком с “туземными” проблемами. Разделяя характерные для большинства буров расистские убеждения, он, тем не менее, был убежден в необходимости гуманного отношения к туземцам и считал, что колониальные методы Германии могли вызвать у них лишь отторжение. Чиновники просто поняли его идею слишком прямолинейно. Через несколько недель, выступая в Королевском географическом обществе, Смэтс уже не говорил об африканском “самоопределении”, а акцентировал внимание на опасности германских планов “Миттельафрики” для Британской империи⁴⁵. Следует также сказать, что именно в отношении тропической Африки программа британского кабинета сильнее всего расходилась с программой военных целей лейбористской партии, которая предполагала интернационализацию не только германских, но и вообще всех колоний в этой части света и создание грандиозного Африканского государства под коллективным международным контролем⁴⁶.

Было очевидно, что принцип самоопределения с не меньшими основаниями мог быть применен к народам британской и французской колониальных империй. Британское господство в Египте, Индии, Ирландии и других заморских владениях давно было излюбленной мишенью германской пропаганды. На него же недвусмысленно указывалось в ноте наркома по иностранным делам Л.Д. Троцкого союзным державам с приглашением присоединиться к брест-литовским переговорам⁴⁷. В окончательном тексте выступления Ллойд Джорджа эта тема обойдена молчанием, однако в проекте Сесиль ей уделено немало места. Хотя этот документ не вышел за рамки британского кабинета, он представляет большой интерес, так как отражает эволюцию взглядов британского руководства на собственную империю, можно сказать, эволюцию идеологии британского империализма.

Не было ничего нового в том, что пребывание в составе империи трактовалось как благо для колониальных народов. Это было общим местом в различных публикациях задолго до войны. Сесиль, однако, пошел дальше, заявив, что Британская империя ос-

⁴³ Memo by G. Curzon. 5/12/1917. – NA CAB 24/4, German and Turkish Territories captured in the War.

⁴⁴ *Louis R.W. Great Britain and Germany's Lost Colonies. 1914–1919. Oxford, 1967, p. 96–101; Сахновский Е.* “Самоопределение” германских колоний в британских военных целях начала 1918 года. Первая мировая война. Страницы истории. Черновцы, 1994, с. 90–93.

⁴⁵ *Louis R.W. Op. cit., p. 101–102.*

⁴⁶ *The Labour Party and the Trades Union Congress. Memorandum on War Aims. London, 1917, p. 5–6.*

⁴⁷ *Международная политика новейшего времени..., ч. 2, с. 105.*

новывается, ни много ни мало, на принципе самоопределения. Сесиль аргументировал свою позицию не ссылкой на самоуправление доминионов (что было бы проще всего), а говорил о наиболее уязвимых для критики проблемах – Египте, Индии и Ирландии. Так, Египет с началом войны “был поставлен под власть египетского султана с египетскими министрами, которым, без сомнения, помогали британские советники. Но, по словам Сесилия, их советы даются Египту уже в течение поколения к огромному и очевидному благу для населения. Ни одного фардинга из египетских доходов не попало в британское казначейство. Напротив, большие суммы денег тратились британскими налогоплательщиками на благо Египта. Поэтому с начала войны в стране не было ни малейшего намека на недовольство, несмотря на все усилия вражеских пропагандистов. Точно так же население Индии полностью поддерживало британского суверена, что выражалось в “потоках людей и денег”, которые текли из Индии ему на помощь. При этом британское правительство серьезно рассматривало возможность изменений в методах управления Индией, для чего туда был направлен соответствующий министр. Очевидно, здесь шла речь о подготовке будущей реформы Монтегю – Челмсфорда, которая предоставила индийцам довольно широкие права для участия в местном самоуправлении на уровне провинций. В том же направлении, по словам Сесилия, шли дела в Ирландии: в Дублине уже несколько месяцев заседал Конвент, настолько представительный, насколько это вообще было возможно, который старался выработать приемлемую для всех форму управления Ирландией. Трудности на этом пути были вызваны не противодействием британского правительства, а тем обстоятельством, что ирландцы не могли договориться между собой, чего же они хотят⁴⁸. Как известно, британский парламент накануне войны принял билль об ирландском гомруле, реализация которого была отложена в связи с началом конфликта. Общий посыл Сесилия был очевиден: Британская империя действует не только на принципе “согласия управляемых”, но и реально движется к самоуправлению отдельных частей. После войны этот тезис станет главным лейтмотивом британской “колониальной” идеологии⁴⁹. Но в начале 1918 г. его выдвижение, очевидно, казалось преждевременным, поэтому указанные пассажи отсутствовали в окончательном варианте программы.

Вопиющим нарушением “права на самоопределение” были секретные соглашения стран Антанты, заключенные в 1915–1917 гг. Большая их часть касалась владений Османской империи, которые были практически полностью “предварительно” поделены между Великобританией, Францией, Россией и Италией. Кроме того, Лондонский договор 1915 г. обещал Италии Южный Тироль с преимущественно немецким населением, а также обширные владения на восточном берегу Адриатики, населенные преимущественно славянами. Как мы отмечали выше, советская публикация этих документов поставила лидеров Антанты, в особенности Великобритании, в весьма затруднительное положение. 29 ноября, сразу после публикации, Р. Сесиль, выступая от имени правительства, отказался отвечать на запросы парламентариев об этих документах⁵⁰. 29 января, т.е. уже после речи Ллойд Джорджа, на настойчивые расспросы парламентариев о Лондонском договоре он ответил лаконично: “Было бы неправильно с моей стороны отвечать на вопрос о договоре, который в самом запросе назван секретным”. Когда один из депутатов-пацифистов указал Сесилию на прямое противоречие между договором и речью премьер-министра, тот ответил, что не видит никаких противоречий. Тогда депутат усомнился, читал ли Сесиль речь Ллойд Джорджа⁵¹. Уважаемый член парламента, конечно же, не знал, что Р. Сесиль был в числе тех, кто эту речь писал. Позиция самого министра блокады выразилась в его проекте речи: договоры вполне соответствуют тем

⁴⁸ NA CAB, 24/37, War Aims. Draft Statement by R. Cecil, p. 250–251.

⁴⁹ См., например: Судейкин А.Г. Политика Англии на Ближнем Востоке в 1920–1930 гг. и ее советская историография. – Проблемы Британской истории. М., 1984.

⁵⁰ Great Britain. Parliament. Parliamentary Debates. House of Commons. 29/11/1917, v. 99, col. 2191.

⁵¹ Ibid., 29/01/1918, v. 101, col. 1406–1408.

высоким принципам, за которые сражается Антанта “и если в действительности в некоторых отношениях они (договоры. – А.Ф.) вышли за рамки этих принципов, мы вполне готовы обсуждать с нашими союзниками их модификацию”⁵². Ллойд Джордж, однако, не стал включать столь спорный аргумент в свою речь и обратил внимание аудитории на другое: “Поскольку новые факты, как, например, крушение России и сепаратные переговоры России изменили условия, при которых эти соглашения были заключены, мы, как и всегда, вполне готовы обсудить их с нашими союзниками”⁵³.

Было бы неверно видеть в этих фразах лишь фиговый листок, которым британский кабинет пытался прикрыть очевидный аннексионизм тайных договоров. Правда заключалась в том, что к этому времени условия этих документов уже не отвечали интересам Великобритании, и Лондон взял определенный курс на их демонтаж. Оглашение этих документов большевиками в перспективе могло сыграть на руку англичанам. Широкое осуждение тайных соглашений общественным мнением, определенный отказ США уважать их условия облегчали их пересмотр в выгодном для Лондона ключе. Требовалась лишь некоторая дипломатическая ловкость, чтобы представить этот пересмотр как результат торжества принципа самоопределения. В конечном итоге, было очевидно, что судьба той или иной территории будет в наибольшей степени зависеть от фактического контроля над ней, а здесь у Британской империи было достаточно козырей. В Азии и Африке, в отличие от Западного фронта, успех сопутствовал британскому оружию. Были завоеваны все германские колонии, за спинами британских и индийских солдат остались Багдад и Иерусалим, крайнее истощение Турции не оставляло сомнений, что вскоре за ними последуют Дамаск, Алеппо и Мосул.

Территории Османской империи представляли собой едва ли не главный “приз” в этой войне. Вопрос стоял следующим образом: будет ли эта империя целиком подчинена Германии или она будет поделена странами Антанты по своему усмотрению. О ее будущей судьбе в речи Ллойд Джорджа даются лишь некоторые краткие намеки. С одной стороны, в цели Великобритании не входило “лишение Турции ее столицы или ее богатых и прославленных владений в Малой Азии и во Фракии, где живет население по преимуществу турецкого происхождения”. С другой стороны, к османским владениям тоже были применимы принципы самоопределения. “Несмотря на то, что мы не оспариваем прав Турецкой империи на ее внутренние владения с турецким населением и на ее столицу Константинополь, проливы между Средиземным и Черным морями должны быть интернационализированы и нейтрализованы. Армения, Аравия, Месопотамия, Сирия и Палестина имеют, по нашему мнению, право на признание особых национальных условий. Какова бы ни была форма этого признания в каждом отдельном случае – нет нужды обсуждать ее здесь, – нужно только установить, что восстановление прежнего суверенитета Турции над упомянутыми территориями невозможно”⁵⁴.

При сравнении этих условий с декларацией Антанты начала 1917 г. бросается в глаза очевидный факт – после революции в России англичане соглашались на сохранение за Турцией ее европейских владений (Константинополя и Восточной Фракии), но твердо решили отторгнуть от нее все азиатские территории за пределами Малой Азии, часть из которых (Сирия, северная Месопотамия) еще только предстояло завоевать. Годом ранее об этих землях напрямую даже не упоминалось. Но этим не ограничивается значение приведенных слов Ллойд Джорджа. Он намеренно отказался конкретизировать политическое будущее этих стран, хотя, например, в проекте Смэтса о нем говорилось более конкретно: Аравия должна получить полную независимость, в то время как в Армении, Палестине, Месопотамии и Сирии “местные национальные группы должны быть опрошены и в случае, если они пожелают отделиться от Турции, те, кто согласится, станут автономными государствами под защитой одной или более из

⁵² NA CAB, 24/37, War aims. Draft Statement by R. Cecil, p. 249.

⁵³ Ллойд Джордж Д. Указ. соч., т. V, с. 60.

⁵⁴ Там же, с. 56, 60.

европейских держав”⁵⁵. Как показала дальнейшая практика, такая формулировка вполне соответствовала намерениям Великобритании. Однако в начале 1918 г. она вызвала бы слишком много вопросов даже у английских союзников. Поэтому Ллойд Джордж предпочел наименее конкретную формулировку.

Несмотря на это, процитированные фрагменты имели в дальнейшем важные последствия. Вскоре после окончания войны в той части политической элиты и общественного мнения Великобритании, которая как-либо была заинтересована в делах Ближнего Востока, произошел явный раскол. Выделились “протурецкая” и “антитурецкая” фракции. Первая в целях сохранения лояльности мусульман британских колоний и сокращения “военных обязательств” планировала опереться на авторитет лояльного Лондону османского султана-халифа. Вторая, ссылаясь на “неспособность турок управлять другими народами” требовала беспощадного расчленения Османской империи. При этом обе фракции нашли аргументы в поддержку своей позиции в речи Ллойда Джорджа.

Будущее России неизбежно становилось одним из центральных пунктов любой программы послевоенного устройства. В британской программе января 1918 г. ему уделено достаточно много внимания. Как уже говорилось, само появление этой речи отчасти было вызвано необходимостью дать ответ на явно пропагандистские внешнеполитические декларации большевиков. Проект Смэтса был составлен как прямой ответ на советскую инициативу. Сесиль предпочел “отвечать” не Ленину и Троцкому, а графу Чернину. Ллойд Джордж в окончательном тексте вообще обошелся без конкретного адресата. О судьбе территорий бывшей Российской империи Сесиль предпочитал не распространяться, оговаривая лишь, что Великобритания не признает “самоопределения” Литвы, Курляндии и Польши в пользу союза с Германией. Смэтс вступил в заочный спор с большевиками относительно принципа самоопределения: “Фатальная ошибка, сделанная нынешними руководителями русского народа состоит в предположении, что принцип национального самоопределения можно отстаивать в отрыве от сокрушения прусского военного господства”. В частности, сама Россия, отказавшись от борьбы с Германией, лишает права на самоопределение славянские народы, которые искали ее защиты. “В этих условиях они могут также обнаружить, что развал России, на который они с таким легким сердцем согласились, может стать прелюдией вовсе не освобождения национальных групп, а их общего экономического, если не политического порабощения Германией”. Союзники с глубоким сожалением наблюдают за печальной судьбой России, но не собираются присоединиться к переговорам, которые несут России падение и унижение⁵⁶.

Ллойд Джордж не стал заимствовать эти несколько сентиментальные рассуждения Смэтса и соответствующий раздел своей речи написал сам. Его тон гораздо более резок. Унижение России перед лицом германской военной машины он рисует еще более красочно. Оккупированные русские провинции, несмотря на любые пышные фразы “впредь станут частью владений Пруссии”. Они “будут управляться силой прусского меча в интересах прусского самодержавия”. Оставшаяся часть России тоже будет фактически подчинена Германии, которая будет отчасти “задабривать” русский народ обещаниями, отчасти запугивать его окончательным порабощением. Такая перспектива, конечно же “огорчает” Великобританию. “Но когда теперешние правители России предпринимают те или иные действия независимо от союзников, то мы не намерены вмешиваться, чтобы остановить катастрофу, которая неизбежно погубит их страну. Россию может спасти только ее собственный народ”⁵⁷.

Эту фразу вполне возможно истолковать как “карт-бланш” Германии в отношении России. Впоследствии, уже после Брестского мира, Ллойд Джордж высказывал идею, что мир с Германией может быть достигнут на основе признания ее завоеваний на Востоке в обмен на уступки союзникам на Западе (Эльзас – Лотарингия, Бельгия) и отказ от

⁵⁵ NA CAB, 24/37, War Aims. Draft Statement by General Smuts, p. 242.

⁵⁶ Ibid., p. 239–240.

⁵⁷ Ллойд Джордж Д. Указ. соч., т. V, с. 59.

колоний. Эта точка зрения, однако, не была поддержана другими членами кабинета. Для Британской империи было абсолютно неприемлемо предоставление Германии доступа к ресурсам южной России и Кавказа, а также возможность ее “транзитного” проникновения в сторону Персии и Индии через Кавказ и Центральную Азию. Великобритания должна была бороться против Брестского мира не из альтруистических побуждений, а во имя собственных интересов⁵⁸. Разумеется, наилучшим исходом было бы утверждение в России дружественного Лондону правительства, которое готово было бы продолжить войну даже в глубине России. В 1918 г. территория бывшей союзной державы рассматривалась Антантой в первую очередь как театр военных действий мировой войны, и именно этой логике союзники следовали, начиная военную интервенцию. После Бреста большевики рассматривались как союзники Германии. Их свержение представлялось лишь условием для достижения иной цели – восстановления Восточного фронта.

Мы ограничились только “территориальными” пунктами британской программы и оставили в стороне такие ее аспекты, как создание Лиги Наций, репарации, послевоенный экономический порядок. При всей важности этих вопросов нельзя отрицать, что главная схватка шла именно за территории, и без конкретного решения территориальных вопросов любые программы мира в духе Ленсдауна или пацифистов оставались пустым звуком.

Итак, провозглашенные 5 января военные цели Великобритании были тщательно выверенным политическим документом. По своему “духу” он вполне соответствовал первоначальному идеологическому обоснованию войны как борьбы за восстановление поправленного международного права и, более того, – за утверждение принципа национального самоопределения. Но с точки зрения “буквы” документ был составлен таким образом, что вполне мог “вместить” в себя весьма прозаические цели британских правящих кругов относительно “вражеских” владений в Африке, Азии и Океании и вместе с тем оставлял достаточную свободу маневра ввиду неопределенности военной ситуации. Руководители профсоюзов и лейбористской партии услышали то, что они хотели услышать – цели правительства в войне были весьма близки к тем, которые были провозглашены самими лейбористами. Никто не стал тратить время на их дотошное текстуальное сравнение. Убежденные “империалисты” могли быть довольны тем, что правительство твердо решило не возвращать захваченные территории Османской империи и германских колоний.

Непосредственный эффект от речи Ллойд Джорджа в Кэкстон-холле был весьма кратковременным. Согласно правительственным докладам, “речь премьер-министра имела великолепный успех по всей стране, и следовало только довести ее до каждого дома, до того, как пацифистские организации успеют исказить и перетолковать ее”⁵⁹. Однако радикально она не улучшила отношения между правительством и рабочими, так как главные причины их недовольства были связаны не с политическими целями войны, а с экономическими трудностями, которые она несла с собой. За пределами Великобритании последовавшее вскоре выступление В. Вильсона с “14 пунктами” произвело значительно больший эффект⁶⁰. Сопоставление двух документов было проведено сразу же как журналистами, так и экспертами, а впоследствии – историками⁶¹. Все отмечали почти полное совпадение провозглашенных тезисов, которые у Вильсона были выражены, пожалуй, более кратко и четко. Единственное принципиальное отличие программы Вильсона – пункт о свободе морей. В недалеком будущем он станет едва ли не главной причиной англо-американских разногласий. Американцы не забыли, какие стеснительные ограничения на их торговлю накладывала британская блокада враже-

⁵⁸ *Rothwell V.H.* Op. cit., p. 190–197.

⁵⁹ NA CAB, 24/38. The Labour Situation. Report from the Ministry of Labour for the Week Ending the 9th January, 1918, p. 2.

⁶⁰ *Мальков В.Л.* Вудро Вильсон и его “принципы национальностей”: взгляд из современности. – Новая и новейшая история, 2010, № 6, с. 104–111.

⁶¹ *Kernek S.J.* Op. cit., p. 72–77.

ских стран в период нейтралитета США, и хотели обезопасить себя от повторения этой ситуации. Британцы же не желали отказываться от столь мощного орудия давления на нынешних и будущих противников. Были и другие разночтения в двух программах. Например, Вильсон, как и Ллойд Джордж, выступал за создание польского государства в “этнических” границах, но при этом настаивал на предоставлении ему выхода к морю. В тогдашних условиях эти требования были практически несовместимы – балтийские порты и побережье были населены преимущественно немцами. Но на разночтениях никто тогда не концентрировал внимания. Европейские страны Антанты оставили программу Вильсона без комментариев, что создало у общественного мнения впечатление, что они ее полностью поддерживают. Центральные державы, напротив, весьма определенно отказались рассматривать те пункты программы Вильсона, которые как-либо затрагивали территориальные проблемы. Более того, отказ Антанты принять участие в брест-литовских переговорах послужил Берлину и Вене поводом для отказа и от тех относительно либеральных принципов, которые были провозглашены ими 25 декабря. Брестский мир, подписанный 3 марта 1918 г., был “продиктованным” Германией миром и в полной мере использован пропагандой стран Антанты как пример того, к чему может привести “преждевременный” мир с Германией. Аналогичную роль сыграл и Бухарестский мирный договор с Румынией.

По выражению американского историка С. Кернека, “воюющие державы, подобно фермерам, сильно зависели от времени года. Было время для наступлений и время после того, как ужасный урожай собран, для мирных предложений и формулирования условий мира”⁶². Сезон мирных предложений выпадал на зиму, когда активные военные действия вести было затруднительно. С началом весны война снова вступала в свои права. От весны 1918 г. страны Антанты не ждали ничего хорошего. Готовилось большое германское наступление с использованием сил, переброшенных с Востока. Оно началось 21 марта. Вскоре фронт был прорван, и германские армии устремились на Париж.

В этих условиях все разговоры о военных целях были отложены, но это не значит, что британский кабинет вовсе оставил эту тему. Возобновившиеся военные действия, разумеется, внесли коррективы в планы, намеченные в январе. Наиболее значимые изменения касались Австро-Венгрии. В ходе бернских переговоров англичане рисовали перед австрийскими представителями самые радужные перспективы выдающейся роли монархии Габсбургов в будущей Центральной Европе. Некоторые территориальные потери на юге в пользу Италии и Сербии должны были быть компенсированы гораздо большими приобретениями на севере и востоке. В частности, возрожденная Польша могла перейти под скипетр этой старейшей династии. Единственное условие, которое при этом выдвигалось – Австро-Венгрия должна порвать с Германией и стать барьером для ее продвижения на юго-восток. Федерализация монархии представлялась весьма желательным, но не обязательным условием. Австрийская позиция была прямо противоположна. Вена готова была вести речь только о всеобщем, а не о сепаратном мире, обещая оказать сдерживающее влияние на своего германского союзника. При этом в публичных декларациях император Карл и О. Чернин не уставали подчеркивать нерушимость Четверного союза. К февралю австрийская сторона заметно охладела к продолжению переговоров, очевидно, поверив в успех будущего германского наступления. Для Лондона бесполезность дальнейших переговоров также становилась очевидной. “Последней каплей” стала поездка 12 мая императора Карла в ставку Вильгельма II в Спа. Страны Антанты сделали крутой поворот в своей “австрийской” политике. 21 мая глава Форин офис А.Дж. Бальфур писал британскому послу в Париже лорду Дерби: “Мы считаем, что политика попыток оторвать Австрию от Германии должна быть оставлена как одновременно несвоевременная и непрактичная. Мы думаем, что наилучший план состоит в том, чтобы оказать всю возможную поддержку угнетенным народностям в Австрии в их борьбе против немецко-мадьярского господ-

⁶² Ibid., p. 61.

ства. Австрия может быть таким путем приведена к более разумному состоянию мыслей”⁶³. Последняя фраза показывает, что “угнетенные народности” и теперь рассматривались не как инструмент разрушения Австро-Венгрии, а как инструмент давления на ее правительство.

С этого момента британская политика заключалась в том, чтобы предоставить Австро-Венгрии ее собственной судьбе, не тратить силы ни на ее разрушение, ни на ее сохранение. Вскоре было резко расширено сотрудничество стран Антанты с представителями чешской, польской и югославянской политической эмиграции. Последовали многообещающие для них заявления. 3 июня 1918 г. Высший военный совет в Версале принял резолюцию, что “создание объединенной и независимой Польши со свободным доступом к морю составляет одно из условий прочного и справедливого мира, а также верховенства права в Европе”. Нетрудно заметить, что конкретных обязательств эта декларация не содержала, что весьма разочаровало Р. Дмовского и его сторонников. Также выражалось удовлетворение заявлениями американского госдепартамента о его “симпатии” национальным устремлениям чехословацкого и югославских народов⁶⁴. 9 августа Чехословацкий Национальный совет во главе с Т.Г. Масариком был признан британским Форин оффисом как “доверитель правительства будущего Чехословацкого государства”. Сам автор этой формулировки У. Свид не смог объяснить ее точный смысл чешскому политику Э. Бенешу, но заверил, что она “сделает для него его дело”⁶⁵. Чехословацкий комитет был для Лондона весьма ценным союзником. К этому времени он уже имел свои вооруженные силы на территории Франции, Италии и России, причем именно действия Чехословацкого корпуса в Сибири вновь пробудили надежду на возрождение Восточного фронта.

Несколько “волн” германского наступления весной и летом 1918 г. постепенно приближали немецкие войска к Парижу, но заветной цели они так и не достигли. К началу августа наступление окончательно захлебнулось. После 8 августа, “черного дня германской армии”, когда британские войска начали успешное наступление под Амьеном, стратегическая инициатива окончательно перешла к державам Антанты. Именно на эти дни, с 13 по 15 августа, пришлось новое обсуждение проблемы военных целей в Имперском военном кабинете Великобритании⁶⁶.

Глава Форин оффис А.Дж. Бальфур по просьбе Ллойд Джорджа изложил свои взгляды на военные цели Британской империи. Любой аспект этих целей порождал трудно разрешимые проблемы, но все же Бальфур предложил свой вариант их решения. Великобритания должна была с уважением относиться к военным целям Франции и Италии в Европе (Эльзас – Лотарингия и Адриатика), так как с первой она была связана “моральными обязательствами”, а со второй – договором 1915 г. Альтернативы разрушению Австро-Венгрии не существовало, поскольку она могла продолжать свое бытие только как сателлит Германии. Движение славянских областей за отделение было объективным и неизбежным фактором, а чисто германо-магьярское государство выжить не могло. Венгрия стала бы самостоятельной, а австрийские немцы объединились бы с Германией. Последнее обстоятельство не могло не настораживать, но это было меньшим злом, чем предоставление в полное распоряжение Берлина всего населения Дунайской монархии. При определении новых границ несовпадение исторических границ и природных рубежей с этническим расселением порождало огромную проблему. Бальфур, в частности, упомянул о богемских немцах. В отдельных случаях, следовательно, приходилось

⁶³ Ibid., p. 182.

⁶⁴ Ibid., p. 196–197.

⁶⁵ Hanak H. The Government, the Foreign Office and Austria-Hungary. 1914–1918. – The Slavonic and East European Review, v. 47, № 1908, January 1969, p. 193–194.

⁶⁶ В заседаниях Имперского военного кабинета, помимо членов “узкого” кабинета, принимали также участие представители (в большинстве случаев – премьер-министры) доминионов. Генерал Смэтс играл при этом двойную роль – члена “узкого” Военного кабинета Великобритании и представителя Южно-Африканского Союза.

“выбросить этнологию на ветер”. Выход к морю для будущей Польши без рассеечения германских территорий возможен был только как “экономический” – через объявление полной свободы судоходства на Висле. Государства, образовавшиеся вдоль западных границ России (от Финляндии до Украины) должны были либо получить подлинную независимость, т.е. не зависеть от Германии, либо быть связанными с Россией в рамках некой федерации. Брестский договор, следовательно, должен был быть разрушен. На Балканах следовало стремиться к выходу Болгарии из войны, даже если для этого пришлось бы оказать давление на Сербию и Грецию в плане территориальных уступок. На Ближнем Востоке условия тайных соглашений были уже “исторически устаревшими” в том, что касалось притязаний Италии и Франции. Месопотамия должна была войти в “Арабское государство” под британским протекторатом или другой формой контроля. Протекторат над Палестиной Бальфур считал возможным предложить США, но если они откажутся – оставить его за Великобританией. Германские колонии ни в коем случае не должны были вернуться к прежнему хозяину. Австралия и Новая Зеландия должны были сохранить бывшие германские острова к югу от экватора, а Япония – к северу от него. Юго-западная Африка должна была остаться в распоряжении Южно-Африканского союза. Открытым оставался только вопрос о будущем статусе остальных африканских колоний Германии, прежде всего – Восточной Африки⁶⁷.

В последовавшей дискуссии основное внимание было уделено судьбе германских колоний. Премьер-министр Канады Р. Борден предложил передать “ответственность” за них США, поскольку Британская империя и без того была невероятно велика. Канада (которой не причиталось новых территорий) не собиралась воевать за новое расширение империи. Эта позиция встретила резкий отпор премьер-министров Новой Зеландии У.Ф. Масси и Австралии У.М. Хьюза. Хьюз выразил позицию своей страны относительно Новой Гвинеи легендарными словами французского маршала Мак-Магона: “j’y suis, j’y reste”⁶⁸. Масси был аналогичного мнения относительно Самоа. Смэтс, оставив Тихий Океан австралийцам и новозеландцам, предложил оригинальную схему – создание от имени Лиги Наций новой международной организации – Совета по развитию Центральной Африки под председательством США, куда вошли бы все заинтересованные страны, включая Германию. Смэтс сам затруднялся точно определить объем полномочий этого Совета, и географический охват его деятельности. У его коллег идея не встретила понимания.

В обсуждении европейских и ближневосточных целей войны из представителей доминионов активное участие принял только Смэтс. По его мнению, представленная Бальфуром программа имела один существенный недостаток. Она могла быть реализована только после полного разгрома Германии. Между тем ничто не указывало, что это скоро произойдет. Если бы Великобритания настаивала на таких требованиях, ей, скорее всего, пришлось бы воевать не только в 1919, но и в 1920 г. За это время Германия, перейдя к обороне на Западе, могла при помощи Турции развернуть масштабную кампанию на Востоке и устремиться к Индии через Россию, Персию и Каспийское море. В конечном итоге Германия была бы побеждена, но цена такой победы была бы слишком высока. Великобритания стала бы державой второго или третьего класса по сравнению с США и Японией. Поэтому Смэтс предлагал воспользоваться наметившимся улучшением на фронте и при первой возможности предложить Германии “умеренные” условия мира, включающие лишь “абсолютно необходимые” для Лондона пункты. Также следовало предпринять максимум военных усилий, чтобы вывести из войны более слабых союзников Германии. Кроме того, можно было столкнуть друг с другом

⁶⁷ Shorthand Notes of a Meeting. 13/08/1918. – NA CAB, 23/43, Imperial War Cabinet 30, p. 142–147.

⁶⁸ “Я здесь, и я здесь останусь” (франц.). Эту фразу Мак-Магон произнес якобы 8 сентября 1855 г. на только что занятом Малаховом кургане. Сам маршал впоследствии отрицал это.

Болгарию и Турцию. Если открыть Болгарии дорогу на Константинополь, не придется делать ей уступок за счет Сербии и Греции⁶⁹.

Аргументы Смэтса вызвали довольно резкое неприятие у лорда Керзона. Идея Смэтса о Совете по развитию Центральной Африки, по мнению Керзона, могла быть принята немцами только в случае полного поражения⁷⁰. Следовательно, утрачивала смысл всякая “умеренность” в других вопросах. К тому же Керзон вовсе не разделял “пессимизма” Смэтса относительно положения на фронте. Начавшееся наступление могло продолжаться вплоть до зимы. Моральное состояние войск было гораздо выше, чем у немцев. Следовательно, не было необходимости торопиться с предложением немцам “умеренных” условий мира. Даже в России “были некоторые признаки духа возрождения и возобновления военных усилий” (очевидно, речь шла об успехах белых армий). Страхи германского вторжения в Азию были преувеличены, а предложения “соблазнить” Болгарию Константинополем и вовсе шокировали Керзона. Керзон готов был согласиться на американский протекторат в Палестине, – это было лучше, чем предусмотренная соглашением Сайкса – Пико от 1916 г. международная администрация. Однако в США существовала давняя традиция изоляционизма, и вряд ли Вильсон стал бы порывать с ней настолько, чтобы согласиться на территориальные приобретения в Старом Свете. В Месопотамии не было альтернативы британскому протекторату, а в германских колониях – их сохранению за странами Антанты. Что же касается других военных целей, то в любом случае формулировать их было нельзя без согласия союзников. В рамках британского кабинета можно было обсуждать не “военные цели”, а только “военные пожелания”. “Все, что мы можем сделать, это обозначить общий взгляд на то направление, в котором мы предпочли бы, чтобы события развивались”.

Лейборист Г. Барнс, согласившись с этой мыслью, напомнил, что в стране набирала обороты пацифистская кампания, к которой примкнул и лидер лейбористов А. Гендерсон. Целью кампании был созыв международной социалистической конференции. Чтобы помешать этому, Барнс предложил вынести вопрос об “умеренных” военных целях на межправительственную конференцию стран Антанты. Эта идея не была поддержана его коллегами. О. Чемберлен, член Военного кабинета, счел возможным только “пересмотреть некоторые из предварительных соглашений”, достигнутых в ходе войны⁷¹. Очевидно, речь шла о тайных договорах, касавшихся в основном Османской империи. Как раз в это время начинались закулисные переговоры с Францией о пересмотре и конкретизации соглашения Сайкс – Пико с целью определить роль и место арабских союзников Великобритании – короля Хиджаза Хусейна и его сына Фейсала, возглавившего “арабское восстание” против турок⁷².

Ллойд Джордж включился в дискуссию только в самом конце. Он выступил резко против идеи Г. Барнса о межсоюзной конференции. “Около шести месяцев назад президент Вильсон и Британское правительство представили миру серию военных целей самого умеренного характера. Если бы мы тогда собрали межсоюзную конференцию, они никогда бы не были признаны”, поскольку каждая держава настаивала бы на максимальных требованиях. Ллойд Джордж высказался, чтобы США стали “опекуном” германских колоний в Центральной Африке, поскольку только они обладали достаточными ресурсами для их развития. Он был убежден, что трудности Германии и в особенности ее союзников были гораздо большими, чем трудности Антанты, поэтому в 1919 г. после упорной борьбы вполне возможно добиться таких успехов, чтобы навязать ей свои условия мира. Разница между “военными целями” и “военными пожеланиями” была на самом деле не столь велика, что показывал, например, польский вопрос:

⁶⁹ Shorthand Notes of a Meeting. 14/08/1918. – NA CAB, 23/43, Imperial War Cabinet 31, p. 155–157.

⁷⁰ Ibid., p. 158.

⁷¹ Ibid., 15/08/1918, p. 160–163.

⁷² Фомин А. М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за “Османское наследство”. 1918–1923. М., 2010, с. 60–65.

“Если мы полностью разобьем Германию, вполне в рамках возможного будет достижение нашей цели, и в этом случае Польша как буферное государство будет очень полезна”⁷³. Никаких решений по поводу военных целей принято не было, но было понятно, что большинство членов Имперского военного кабинета согласны с программой, предложенной Бальфуrom.

Таким образом, предложения Смэтса и Барнса об ограничении военных целей ради скорейшего достижения мира не встретили поддержки. Что же касается программы, предложенной Бальфуrom, то она, в общем, не противоречила “букве” публичного выступления Ллойд Джорджа от 5 января. Единственное серьезное отличие – изменился подход к Австро-Венгрии, о причинах чего было сказано выше. Пожалуй, следует отметить и отсутствие экстравагантной идеи спросить мнения туземных вождей Африки и Океании относительно перспектив британского управления в их странах. Эта идея еще в мае, в самый тяжелый период германского наступления, была отвергнута Бальфуrom как “абсурдная”⁷⁴. Таким образом, военные цели, провозглашенные 5 января, в целом оставались актуальными и в середине августа. Доступные ныне секретные протоколы лишь помогают нам понять, какой именно смысл вкладывался в порой нарочито туманные формулировки публичной речи. Британские политики прекрасно понимали трудности применения “принципа самоопределения” в Европе и совершенно не собирались применять его в Африке. Между тем в идее “опеки” можно видеть прообраз будущих мандатов Лиги Наций. Предложение привлечь США к разделу заморской добычи имело вполне понятную цель – нейтрализовать американскую оппозицию колониальным планам самой Великобритании. Эта политическая линия в дальнейшем имела продолжение и на мирной конференции, но там американцам предлагали уже не Палестину и Восточную Африку, а Константинополь и Армению.

Руководители Великобритании в общем не ставили себе задачи решить все вопросы, пока еще продолжалась война. Внимательное исследование документов позволяет составить некоторую “иерархию” военных целей Лондона. Великобритания не мыслила себе окончания войны без восстановления Бельгии, эвакуации северной Франции, сохранения захваченных германских колоний, удержания Месопотамии в орбите своего влияния. Несмотря на огромную тяжесть войны, никакой мир по соглашению с Германией был невозможен, так как почва для компромисса отсутствовала. В то же время будущее Центральной Европы и западных областей России интересовало британское руководство в гораздо меньшей степени. Важно было лишь не допустить там германского доминирования. Поддержка первоочередных целей ближайших союзников (возвращение Франции Эльзас – Лотарингии, присоединение Далмации к Италии) рассматривалась в Лондоне скорее как досадная необходимость. В следующий раз британский кабинет обратился к проблеме военных целей лишь тогда, когда пришло время формулировать условия перемирий с побежденными странами Четверного Союза. Но эта тема заслуживает отдельного рассмотрения.

⁷³ Shorthand Notes of a Meeting. 15/08/1918. – NA CAB, 23/43, Imperial War Cabinet 32, p. 164–166.

⁷⁴ *Louis R.W. Op. cit.*, p. 106.